

ФОРМАЛА ЛАБОРИНОГО РОМАНА

БАРБАРА КАРТЛЕНД

МІЛАЯ
ЧАРОВНИЦА

ЦЕНТРОБАНК

Барбара Картленд

Милая чаровница
[Милая колдунья]

1982

Картленд Б.

Милая чаровница [Милая колдунья] / Б. Картленд — 1982

Совершенно неожиданно Зарии Мансфорд достается огромное наследство. Свалившееся на нее богатство даже пугает ее – большие деньги, два особняка и яхта «Чаровница». За несколько часов жизнь провинциалки полностью меняется. Зарии предлагают стать секретарем богатого археолога Корни Вердона, который зафрахтовал эту яхту. Перед отплытием к ней в гостиницу является странный незнакомец и умоляет взять его в плавание под видом жениха...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Барбара Картленд

Милая чаровница

Глава 1

«Ну и дурнушка!»

Младший компаньон фирмы «Патерсон, Делхауз и Патерсон» считал себя знатоком по части женщин. Девушка, что сидела напротив него в кожаном кресле, резко отличалась от других клиентов, которых он обычно принимал в своем уютном кабинете.

– Я выехала сразу, как только получила ваше письмо... и вложенный в него билет, – произнесла она низким мелодичным голосом, на секунду поколебавшись в конце фразы.

– Мои компаньоны сочли необходимым послать вам билет. – Мистер Алан Патерсон смущенно кашлянул. – Мы предположили, что после смерти вашего отца вы оказались в... затруднительном финансовом положении.

Сидевшая по другую сторону стола девушка улыбнулась. Эта улыбка была мимолетной, но она сразу же преобразила ее лицо.

– Спасибо вам за заботу.

– А теперь к делу, – сказал мистер Патерсон, открывая объемистую папку, которую предусмотрительно приготовила для него миловидная секретарша.

«Откуда она вытащила это старье? – подумал он про себя, все еще поглощенный зрелищем своей клиентки в уродливом, плохо сшитом, вытершемся на локтях костюме из твида и в джемпере из некрашеной шерсти, который подчеркивал мертвенную бледность ее лица. – Такое впечатление, что она сейчас упадет в обморок. Похоже, она была серьезно больна».

Он отметил про себя обтянутые кожей выступающие скулы, резкую линию подбородка, запавшие глаза с темными кругами за стеклами очков в металлической оправе.

По взмаху ее ресниц он понял, что слишком уж откровенно уставился на нее, и снова смущенно кашлянул.

– Я подумал, не устали ли вы с дороги, – поспешно проговорил он. – Удалось ли вам позавтракать в поезде?

По внезапному блеску ее глаз он вдруг понял, почему ее лицо хотя и отталкивало его, но казалось ему смутно знакомым. Перед его глазами снова встали те жалкие существа, которые встречали союзную армию у ворот концентрационных лагерей. Только кожа и кости, он до сих пор помнил их хриплые возгласы, чувствовал запах гниющей, умирающей плоти.

Голод!

– Вам удалось позавтракать? – резко спросил он, взволнованный таким невероятным предположением.

Девушка напротив отрицательно мотнула головой.

– Нет... я... у меня... не было денег.

Мистер Патерсон решительно нажал на кнопку звонка. В дверях возникла его секретарша.

– Немедленно пошлите за бутербродами, – приказал он. – С курицей, с ветчиной – все, что у них там найдется, – и кофе, побольше кофе.

Секретарша изумленно подняла брови. Мистер Патерсон обычно очень следил за фигурой. Потом она взглянула на сидевшую напротив девушку и, казалось, поняла все.

– Будет сделано, сэр, – сказала она и повернулась, взмахнув черной юбкой.

– И побыстрее!

Резким хлопком двери секретарша лучше любых слов дала понять мистеру Патерсону, что она думает о его командном тоне, годившемся разве для службы в армии.

Тем не менее кофе и бутерброды были доставлены из кафе напротив в удивительно короткий срок, словно она тоже поняла чрезвычайность ситуации.

– А! Вот и кофе! – воскликнул мистер Патерсон преувеличенно благодарным тоном. – Поставьте все перед мисс Мансфорд. Ей необходимо подкрепиться. Вижу, вы принесли две чашки. Прекрасно! Я тоже не откажусь от кофе.

Секретарша вышла. Зария Мансфорд с минуту смотрела на поднос, как бы не зная, что делать со сверкающим металлическим кофейником.

– Вы будете черный или с молоком? – наконец спросила она.

– Черный, пожалуйста.

Она налила ему кофе и передала через стол. Когда он отказался от бутербродов, ее рука с очень тонкими пальцами, с проступавшими сквозь белизну кожи венами потянулась к блюду.

«Старый черт должен был оставить ей хоть немного», – подумал про себя мистер Патерсон и спросил вслух:

– Кажется, ваш отец скончался три месяца назад. Мы не были удостоены чести вести дела по его имению.

– Да! Этим занималась одна фирма в Инвернесе, – ответила Зария Мансфорд. – «Маккензи и Маклеод».

– Кажется, я о них слышал, – сказал мистер Патерсон. – Ваш отец оставил дом за вами?

– Да, – ответила она. – Но, должно быть, мне не удастся его продать. Он расположен вдалеке от шоссе, до него можно добраться только по частной дороге через луга. До почты и телефона не меньше пяти миль.

– Понятно.

– Да и не только в этом дело, – продолжала Зария Мансфорд, поглощая пищу с намеренной неторопливостью. Казалось, она усилием воли сдерживает желание жадно наброситься на еду. – Отец оставил множество рукописей. В завещании он просил меня закончить их. Надеюсь, после их завершения я смогу найти издателя.

«А тем временем вам не на что жить», – подумал мистер Патерсон.

– Ну, сейчас все несколько изменилось, – произнес он вслух. – Конечно, вам решать, будете ли вы продолжать работу вашего отца. Но теперь вам нет необходимости слишком утруждать себя. У вашей тетушки было два дома. Вы об этом знаете? Одна вилла на юге Франции и другая в Калифорнии. Вторая, как мне кажется, представляет собой значительную ценность.

Зария Мансфорд на секунду перестала жевать и пристально посмотрела на него.

– Мне трудно поверить, что все это правда! – воскликнула она. – Я прочитала ваше письмо и подумала, что, наверное, произошла какая-то путаница. Конечно, я помню тетю Маргарет, но прошло уже восемь лет с нашей последней встречи. В то время мне было одиннадцать лет и мы с отцом проезжали через Париж по пути в Африку. Мы зашли к ней в отель, потому что она очень хотела увидеть меня. Но в тот раз они с моим отцом страшно поссорились. Отец схватил меня за руку и в ярости бросился вон из номера. После этого случая он ни разу не встречался с сестрой.

– Боюсь, у вашего отца случались... недоразумения со многими людьми, – сурово заметил мистер Патерсон. – Насколько я знаю, перед смертью он вел тяжбы с двумя своими коллегами археологами, со своими издателями, с агентом по продаже недвижимости и с директором одного из известных музеев.

– Да, это так, – тихо произнесла Зария.

– Он был человеком с сильным, взрывным характером, – будто обращаясь к самому себе, проговорил мистер Патерсон. Он вспомнил все то, что слышал о покойном профессоре, и,

взглянув на сгорбленную фигуру сидевшей перед ним девушки, подумал, сколько испытаний выпало на ее долю.

– Итак, ваша тетя тем не менее вас запомнила, – сказал он, стараясь придать более оптимистичный характер их разговору. – Она оставила вам почти все, что у нее было. Пожизненные пенсии служанкам, несколько тысяч благотворительным организациям, а все остальное ваше.

– И на сколько я могу рассчитывать? – задыхнулась Зария Мансфорд.

Мистер Патерсон пожал плечами.

– Чуть больше ста тысяч фунтов, по моим данным, – ответил он. – Трудно сказать прежде, чем произведут оценку и заплатят налог на наследство.

Зария промолчала. Ему показалось, что она была поражена услышанным, да и неудивительно.

«Зачем ей такие деньги?» – подумал он про себя, решив, что никакой наряд, имея даже она достаточно вкуса подобрать его, не сможет прибавить красоты этому изможденному лицу с очками на носу.

Волосы у нее были прямыми и безжизненными. Они были зачесаны за уши и спадали на плечи неровными прядями.

– Как вы намерены поступить? – спросил он вслух. – Может быть, вы хотите поехать в Америку, чтобы посмотреть на свою собственность? Или, возможно, поездка во Францию покажется вам менее утомительной?

– Не знаю. Мне... нужно подумать, – растерялась она, руки у нее задрожали.

– Конечно, не может быть никакой спешки, – успокоил ее мистер Патерсон. – На сегодняшнюю ночь вам заказан номер в отеле, его можно продлить на какой угодно срок. Если, конечно, у вас нет друзей в Лондоне.

– Нет! У меня нет друзей в Лондоне!

– Прекрасно. Мы пробовали забронировать вам номер в «Долчестере» или в «Рице», но, к сожалению, у них не было свободных мест.

Он заметил ее растерянность и понял, что это к лучшему.

– Поэтому, зная, что вы приехали одна, мы заказали вам номер в отеле «Кардос». Это очень милый и спокойный семейный отель в Белгравии. Надеюсь, вам там понравится.

– Спасибо, – благодарно произнесла Зария.

– А теперь давайте закончим с завещанием вашей тетушки, – продолжал мистер Патерсон.

Он зачитал завещание глубоким проникновенным голосом, который считал подходящим для подобных случаев. Закончив, он поднял глаза и понял, что девушка не поняла ни слова.

– Боюсь, юридические термины слишком сложны для непосвященного, – сказал он с улыбкой. – Если коротко, вы являетесь наследницей капитала в ту сумму, которую я вам назвал ранее, и двух предметов собственности.

Помедлив, он добавил:

– Простите, я забыл еще об одном! У вашей тети была яхта. В настоящий момент она сдана в аренду. Соглашение об аренде было подписано несколько месяцев назад, и нам было бы крайне затруднительно отменить его. Надеюсь, вы не захотите расторгнуть договор.

– Нет, нет, разумеется, – согласилась Зария Мансфорд.

– Нам удалось сговориться на достаточно большую сумму, вернее, не нам, а нашим агентам. Арендатор – американский миллионер, мистер Корнелиус Вирдон. Он должен прибыть в Марсель, где яхта будет ждать его, через два дня. Насколько мне известно, он собирается путешествовать вдоль африканского побережья. Он очень интересуется археологией и намерен произвести несколько частных раскопок. Разумеется, у него полно денег, чтобы обеспечить свое хобби! Аренда кончается через три месяца. Это в том случае, если вы согласны на нее и не хотите, чтобы она окончилась гораздо раньше.

– Я согласна, – ответила Зария Мансфорд. – Это большая яхта?

– Достаточно, как мне кажется, – туманно ответил мистер Патерсон. – Кстати, она называется «Колдунья».

Мистер Патерсон остановился и взглянул на стопку писем рядом с папкой.

– Ах да! – воскликнул он, будто вспомнив о чем-то. – У меня к вам есть особая просьба. Мистер Вирдон, американский миллионер, или, как сейчас говорят, промышленный магнат, поставил одно условие при подписании соглашения. Он просил нас нанять для него секретаря, который умеет говорить по-арабски и разбирается в археологии. Нам с компаньонами казалось, что это условие не вызовет больших сложностей, и мы согласились. Наша фирма всегда вела дела по аренде яхты, и на этот раз мы были счастливы сообщить вашей тетушке, что удалось договориться о такой значительной сумме.

В течение этой тирады мистер Патерсон казался очень довольным собой, но затем, несколько переменяв тон, он продолжил:

– Однако случилось так, что мы начали опасаться, как бы достигнутое соглашение не было расторгнуто. Мы дали бесчисленное множество объявлений, но никто не мог удовлетворить требованиям мистера Вирдона.

– Почему же? – спросила Зария.

– Я сам не понимаю, – ответил мистер Патерсон. Разумеется, найдется не одна сотня археологов и не представляет никаких трудностей найти того, кто владеет арабским. Но мало кто совмещает и то и другое. Только десять дней назад, когда мы уже почти отчаялись, мы получили письмо от мисс... минуточку... мисс Дорис Браун. Судя по рекомендациям, это блестящая молодая особа, которая некоторое время служила в Британском музее и частным образом работала с одним из ведущих археологов. Кажется, мистер Вирдон будет доволен.

– Тогда все в порядке, – заметила Зария, несколько удивленная таким длинным объяснением.

– Вы недоумеваете, почему я беспокою вас всем этим, улыбнулся мистер Патерсон. – Дело в том, что мы все еще озабочены этим делом, и поскольку вы являетесь специалистом в области археологии и одновременно владеете арабским, то не могли бы вы поговорить с мисс Браун?

– К сожалению, я немного подзабыла современный арабский, – ответила Зария. – Я уже лет пять не выезжала за границу вместе с отцом. Он несколько раз брал меня с собой, но потом... решил путешествовать один.

Что-то в ее голосе заставило мистера Патерсона предположить, что все было не так просто, как она описала, но он только сказал:

– Вам надо всего лишь задать мисс Браун несколько вопросов. Видите ли, дело идет о нашей репутации. Лучше не посылать никого, чем послать человека, который окажется абсолютно бесполезным для нашего клиента.

Он порылся в бумагах.

– Я очень внимательно изучил рекомендации, которые предоставила нам мисс Браун. Но профессор Джонсон, с которым она последнее время работала, в настоящий момент находится в Сахаре, и с ним невозможно связаться. Сэр Мортимер Гривз, чью книгу «Осколки глины» печатала мисс Браун, говорит, что она необыкновенно работоспособная молодая женщина, но он ни в коей мере не может поручиться за ее знание арабского языка.

– Когда мне надо с ней встретиться? – спросила Зария.

– Если вас это устроит, я пришлю ее к вам в отель сегодня во второй половине дня, – сказал мистер Патерсон. – Ей надо успеть на поезд, который отходит с вокзала Виктория в семь часов. Давайте договоримся с вами часа на три? К сожалению, поскольку сегодня суббота, в это время меня уже не будет в конторе. Боюсь, что, если она окажется недостаточно компетентной, вы никак не сможете связаться со мной.

Он взглянул на часы и, улыбнувшись, пояснил:

– По выходным я обычно играю в гольф.

– Но как же мне поступить, если мисс Браун плохо говорит по-арабски? – спросила Зария.

– Во-первых, – ответил мистер Патерсон, – не отдавайте ей билетов и заграничного паспорта до тех пор, пока не убедитесь в ее знании арабского языка. С вашего позволения, сейчас я вам их передам.

Он достал большой конверт и протянул его Зарии.

– Может быть, вам кажется, что мы осторожны сверх всякой меры, но мы решили ничего не предпринимать до тех пор, пока не получим вашего одобрения. Мистер Вирдон – очень важная персона, очень, уверяю вас, и мне бы совсем не хотелось подводить его в деле такого сорта.

– Никогда не слышала о нем как об археологе, – заметила Зария.

– Нет? – Казалось, мистер Патерсон не удивился. – Однако уверяю вас, он очень серьезно относится к этому делу, если судить по его письмам. Разумеется, он имеет возможность удовлетворять свои прихоти. Он унаследовал большое состояние после смерти отца, несколько лет играл на бирже, и все время ему фантастически везло. А потом он начал интересоваться далеким прошлым. Не скажу, что сам бы я выбрал подобное увлечение.

Мистер Патерсон самодовольно улыбнулся и продолжил:

– Ну что ж, каждому свое. Я думаю, вы согласитесь со мной, мисс Мансфорд.

– Да, конечно, – ответила Зария. – А если мисс Браун не подходит... мне... мне надо будет сказать ей об этом?

– Если вас это не затруднит, – ответил мистер Патерсон. – А потом позвоните, пожалуйста, моей секретарше по ее домашнему телефону. Она сказала, что весь день будет дома, по крайней мере, до пяти. Если до этого времени вы с ней не свяжетесь, то мы будем считать, что мисс Браун оказалась достаточно компетентной. Надеюсь, так оно и случится.

При этих словах он сделал отметку на обратной стороне конверта.

– Это телефон моей секретарши, – пояснил он. – Позвоните ей только в том случае, если все обернется не так, как бы нам того хотелось. А сейчас, мисс Мансфорд, если вы извините, меня ждет другой клиент.

– Да, да, разумеется.

Зария Мансфорд поспешно вскочила на ноги, и крошки с ее платья полетели на пол. Чашки на кофейном подносе, который она, вставая, неловко задела, отчаянно задребезжали.

– И последнее, – произнес мистер Патерсон. – Мы открыли счет в банке на ваше имя, чтобы вы были обеспечены до тех пор, пока не будут улажены все дела, связанные с наследством. На нем сейчас лежит тысяча фунтов. Если вам понадобится дополнительная сумма, вам надо только зайти к нам, и мы отдадим необходимые распоряжения.

– Благодарю... вас, – неловко произнесла Зария.

– Поскольку сегодня выходной, – продолжал мистер Патерсон, – и у вас могут быть трудности с наличными, здесь, помимо чековой книжки, пятьдесят фунтов. Надеюсь, на первое время вам хватит, но в любом случае, я думаю, в отеле у вас всегда примут чек на разумную сумму.

С этими словами он протянул ей конверт. Зария взяла его дрожащей рукой.

– Благодарю... благодарю вас, – повторила она. – Но вы... абсолютно уверены...

Она растерянно замолчала. Он с минуту подождал и, не дождавшись продолжения, переспросил:

– Уверен в чем, мисс Мансфорд?

– Что эти деньги... они действительно принадлежат мне?

– Абсолютно уверен, – ответил он.

- Тогда не могли бы вы послать немного Саре – это наша старая служанка в Шотландии?
- Разумеется. Вы хотите, чтобы она оставалась на вашей службе?
- Нет, она сама хочет уйти, но мне кажется, что надо назначить ей пенсию.
- Я немедленно займусь этим вопросом, – пообещал мистер Патерсон. – Предоставьте

все нам. А теперь до свидания, мисс Мансфорд.

Ему показалось, что он пожал руку скелету. Зария Мансфорд попрощалась и вышла.

После ее ухода мистер Патерсон едва удержался, чтобы не рассмеяться. Такой нелепой показалась ему мысль, что это пугало унаследует столько денег. Больше, чем он может заработать за всю жизнь, служи он хоть до ста лет.

«Зачем ей такие деньги?» – снова подумал он.

И вспомнил о «бентли», который его жена уговаривала его купить вот уже два года подряд; о доме в Вирджиния Вотер, который они всегда мечтали приобрести, но на который у них не хватало по меньшей мере двадцати тысяч фунтов.

– Черт возьми, ей-то они на что? – спросил он вслух, потом снова уселся за стол и позвонил секретарше, приглашая следующего клиента.

Выйдя из конторы с чемоданом в руке, Зария Мансфорд растерянно огляделась по сторонам тихой улочки. Она не знала, где находится отель «Кардос», но, решив, что сможет добраться до него на автобусе, пошла по направлению к оживленному шоссе.

Она медленно брела по улице, чувствуя себя невыразимо измученной. Предыдущую ночь в поезде она не спала, хотя место у нее было в спальном вагоне. Она чувствовала, что, как ни была голодна до этого, кофе с бутербродами не пошел ей на пользу.

«Мне надо быть очень осторожной с пищей», – подумала она про себя. Несмотря на непрекращающееся чувство голода, мысль о еде вызвала у нее тошноту.

Овсянка с картошкой составляли единственную ее пищу в течение последних шести месяцев, да и многие годы до этого, когда отца не было дома. Она по сей день помнила страшный скандал, который устроил отец накануне своей смерти, получив счет от мясника.

– Ты что, решила, будто я купаюсь в деньгах? Ты просто хищница! – неистовствовал он. – Как ты смела поглотить столько мяса? Десять фунтов девятнадцать шиллингов и три пенса! Я что, по-твоему, миллионер?

– Это за два месяца, папа, – ответила она.

– Оправдания! У тебя всегда находятся оправдания для излишеств! – вскричал он и принялся ее бить, как не раз поступал прежде. Сначала он дал ей пощечину, потом удары начали сыпаться ей на голову, пока она, скорчившись, не упала перед ним на колени. Перед тем как выйти из комнаты, он пнул ее ногой. Но даже в тот момент она чувствовала, что его удары потеряли прежнюю силу. Он заметно ослаб, болезнь, от которой он страдал уже два года, подбралась к нему вплотную. Она понимала, что недалек тот день, когда его удары уже не смогут причинить ей боли, но не знала, как скоро придет освобождение.

Между тем она вышла на Оксфорд-стрит. От рева проносящихся мимо автобусов, автомобилей и грузовиков у нее вдруг закружилась голова.

«Только бы не потерять сознание», – подумала Зария. Растерянно озираясь по сторонам, как бы в поисках поддержки, она вдруг вспомнила, что теперь может позволить себе добраться до отеля на такси.

У нее в сумочке лежало пятьдесят фунтов! Целых пятьдесят фунтов, не считая нескольких пенсов, с которыми она приехала на вокзал Святого Панкраса сегодня утром.

Прямо возле нее остановилось такси. Каким-то чудом ей удалось влезть в него и назвать адрес отеля, после чего она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Только теперь она ощутила реальность происшедшего с ней. Она богата! Никогда больше ей не придется голодать. Никогда больше не будет страха перед криком отца, парализующих ее

сознание ударов по голове, ужаса, с которым она шла в деревенскую лавку, зная, что не сможет заплатить за покупки. Теперь она богата! Богата!

Казалось, эти слова звучали в реве проезжающих мимо машин.

«Богата! Богата! Богата!»

Мисс Дорис Браун прибыла в отель «Кардос» ровно в три часа. Рассыльный проводил ее на третий этаж и постучал в дверь. Услышав негромкое «Войдите», он открыл дверь своим ключом и пригласил мисс Браун в номер.

Кого бы ни рассчитывала увидеть мисс Браун, но действительность превзошла все ее ожидания.

«Боже мой! Ну и чудело!» – подумала она про себя, почти повторив слова мистера Патерсона.

– Вы мисс Мансфорд? Мисс Зария Мансфорд? – недоверчиво спросила она вслух.

– Да, это я, – тихо ответила девушка, к которой она обращалась. – Проходите, пожалуйста, садитесь.

Зария была без пиджака, и ее бесформенный, полинявший, связанный собственными руками джемпер, надетый поверх мешковатой, плохо сшитой юбки из твида заставил мисс Браун осознать элегантность собственного черного костюма, туфель на шпильках и экстравагантного бархатного берета.

– Вы, должно быть, дочь профессора Мансфорда, – сказала мисс Браун. – Я как-то видела его, правда, довольно давно. Тогда я подумала, какой он красивый мужчина. Конечно, не всем нравятся бородатые мужчины, но он был очень красив.

– Да, очень, – согласилась Зария.

– Мне сказали, что надо зайти к вам, потому что вы являетесь владелицей той яхты, на которой... – Она вдруг остановилась, уставившись на дырку на локте у Зарии. – Ведь вы владелица яхты?

– Да, я, – подтвердила Зария. – Но я узнала об этом только сегодня. Еще два дня назад я считала, что смогу рассчитывать в жизни только на те деньги, которые сама заработаю.

– Как необычно! – воскликнула мисс Браун. – Как вы удивились, должно быть! Не то чтобы я сама хотела иметь яхту. Я не очень люблю море. Но работа есть работа, и, когда мне предложили эту, я согласилась. Тогда я подумала, что это будет даже интересно.

– Да, конечно, – согласилась Зария. – Надеюсь, вы получите удовольствие от путешествия.

– Дело как раз в том, что у меня не будет такой возможности! – воскликнула мисс Браун. Зария с удивлением посмотрела на нее.

– Простите, я не понимаю вас.

– Для этого-то я и пришла. Мне позвонили перед обедом и сказали, что до отъезда я должна зайти к вам. Тогда я еще ни в чем не была уверена и думала, что еду, поэтому ответила, что приду. А потом, за обедом... Позвольте мне быть откровенной с вами. За обедом он наконец-то сделал мне предложение. Я приняла его. Мы решили пожениться в конце этой недели.

Зария наконец начала понимать, в чем дело.

– Вы хотите сказать, что не поедете на яхте с мистером Вирдоном?

Дорис Браун решительно покачала головой.

– Нет. Сегодня вечером мы отправляемся в Йоркшир на встречу с его родителями. Отец моего друга занимается торговлей шерстью. Он очень прилично обеспечен. Разумеется, это большой роли не играет. Мы с Тедом любим друг друга. Я вышла бы за него замуж, не имея он ни пенни.

– Да, понимаю, – пробормотала Зария.

– Но все равно хорошо, что мы, по крайней мере, никогда не будем нуждаться. Это придает браку надежность, так ведь?

– Да, разумеется, – согласилась Зария.

– Ну вот, я и сказала то, ради чего пришла, продолжала мисс Браун. – Я очень сожалею и все такое. Я бы сказала все это мистеру Патерсону и не беспокоила бы вас, но сегодня его нет в конторе: в субботу они не работают. Поэтому оставалось только прийти сюда и объяснить все вам.

– Боюсь, мистер Патерсон будет страшно разочарован, – сказала Зария. – Насколько мне известно, было очень трудно подобрать нужного человека.

– Ну, незаменимых людей не бывает, – философски изрекла Дорис Браун. – Они обязательно отыщут кого-нибудь, вот увидите. В конце концов, надо же когда-нибудь позаботиться и о себе, правда? Особенно, если дело касается любви.

Она обезоруживающе улыбнулась Зарии и добавила:

– Сказать по правде, у меня не было уверенности в том, что Тед созрел для того, чтобы мы расписались. Но раз он решился, я не собираюсь выпускать его из своих рук.

– Вы поступаете умно, – сказала Зария после минутной паузы.

– Ну что ж, значит, мы все выяснили. – Мисс Браун поднялась и протянула Зарии руку. – До свидания, мисс Мансфорд. Было приятно познакомиться с вами. Желаю вам удачи. Если вы любите море, то на вашем месте я бы совершила путешествие на собственной яхте.

Она прошла к двери и махнула рукой на прощание. Зария с минуту смотрела ей вслед, потом опустилась в кресло и взяла в руки большой конверт, который передал ей мистер Патерсон. На обратной стороне его четко был выведен телефонный номер Кенсингтон 0275.

«Надо позвонить его секретарше», – подумала Зария и смущенно вспомнила, что не знает ее имени.

Конверт был не запечатан. Она раскрыла его и выложила содержимое на стол перед собой.

Здесь был новый паспорт на имя Дорис Браун, билеты – от вокзала Виктории до Дувра, от Дувра до Кале, от Кале до Марселя, небольшая сумма в франках и два письма. Одно было адресовано мистеру Корнелиусу Вирдону, другое предназначалось мисс Браун и, по-видимому, содержало точные инструкции относительно ее путешествия. Оно тоже не было запечатано, и Зария из любопытства прочитала его.

Мисс Браун полагалось сесть на семичасовой поезд, отправлявшийся с вокзала Виктория и по приезде в Марсель остановиться в отеле «Британия», где для нее был забронирован номер до прибытия яхты. Когда яхта войдет в гавань, ей следовало сообщить о своем присутствии капитану и передать мистеру Вирдону адресованное ему письмо.

Инструкция была подробной и точной и не оставлял, по мнению Зарии, ни малейшей возможности для ошибки.

Раздался стук в дверь, и, прежде чем Зария успела произнести «Войдите», в дверь просунулась голова Дорис Браун.

– Извините, что потревожила вас, – сказала она. – Я уже подходила к лифту, но вдруг вспомнила, что забыла у вас перчатки.

Зария окинула взглядом комнату и увидела их на ручке кресла, на котором до этого сидела Дорис.

– Да, вот они, – сказала она.

– Слава Богу! Я всегда теряю перчатки, – воскликнула Дорис. – Мне это недешево обходится, потому что, как я считаю, перчатки придают костюму особую пикантность...

Она внезапно остановилась, словно осознав, что Зария вряд ли носит дорогие перчатки, если вообще они у нее есть.

– О, вижу, это мой паспорт! – продолжала она, взглянув на бумаги, разложенные на столе перед Зарией. – В некотором смысле мне жаль, что я не смогу поехать. Мне хотелось бы взглянуть на Корнелиуса Вирдона. Судя по всему, он очень интересный мужчина.

– Я думала, он человек в возрасте, – удивилась Зария.

– Старикан? Как бы не так! Вы что, газет не читаете?

Она снова взглянула на Зарию и быстро поправилась:

– Ну, разумеется, такими газетами вы не увлекаетесь. В прошлом году, когда он раскопал замок в Перу, его имя появлялось на первых полосах. Я следила за ходом раскопок, потому что в то время работала на сэра Мортимера Гривза, а он был знаком с мистером Вирдоном и часто говорил о нем. После этого я, если можно так выразиться, не упускала его из виду. Разумеется, когда я узнала, что мне предстоит путешествовать вместе с ним, я была страшно взволнована.

Дорис Браун рассмеялась.

– Но вот чем все кончилось! Я никогда особенно не увлекалась археологией. Случайно занялась этой работой, когда мне было восемнадцать. Профессору Джонсону нужна была помощница, а мой отец был тогда хранителем музея в Ливерпуле. Можно сказать, я выросла в соответствующей атмосфере.

– Неужели вас не заинтересовала археология? – удивилась Зария.

– Она всегда казалась мне слишком скучной, – улыбнулась Дорис Браун. – Сказать по правде, мои познания в арабском весьма ограничены. Так что, если бы не Тед, я бы очень нервничала перед встречей с вами.

Она снова засмеялась и, натянув на одну руку перчатку, заспешила к двери.

– Пока! Поезжайте вместо меня на встречу с Корнелиусом Вирдоном. Это пойдет вам на пользу. Судя по вашему виду, вам надо развеяться...

Она резко замолчала и приложила палец к губам.

– Простите, мне не надо было так говорить. Надеюсь, вы не обиделись. Я всегда говорю первое, что приходит в голову.

– Нет, нет, я не обиделась, – спокойно ответила Зария.

Дверь за Дорис закрылась, и Зария опустилась в кресло. Что за глупости болтала эта девица? Разумеется, она не собирается занимать ее место и становиться секретаршей Корнелиуса Вирдона!

Но вдруг эта мысль захватила ее, и она с минуту растерянно смотрела на паспорт в своей руке.

А почему бы ей не поехать? Она действительно разбирается в археологии. И пусть она долго не практиковалась, но говорит по-арабски.

Некоторое время она никак не могла собраться с мыслями и продумать детали. Но потом намеченное путешествие предстало перед ней с удивительной ясностью. Все было так просто осуществить. Единственное, что от нее требовались, – это следовать инструкциям, оставленным для Дорис Браун.

Перед ней лежали билеты, деньги и рекомендательное письмо. Ей не понадобится объяснять, кто она такая. Не надо представлять себя в качестве владелицы яхты. Надо просто занять место Дорис Браун, которая отправляется в Йоркшир знакомиться с родителями жениха.

Нет, нет, это какое-то сумасшествие! Разве она сможет так поступить? А почему бы и нет? И, если на то пошло, что еще ей остается делать?

Зария окинула взглядом номер. Он не то чтобы не нравился ей, но вызывал у нее страх своей роскошью, резко отличаясь от привычной ей обстановки.

Будь она чуть меньше испугана, она повернула бы назад уже в тот момент, когда такси остановилось у входа в отель. Швейцар в роскошной униформе отворил перед ней дверь и провел к столику администратора. Не успела она опомниться, как оказалась в небольшом номере,

который забронировали для нее поверенные – гостиная, спальня и ванная комната. Не слишком претенциозный номер, но Зарии он показался вершиной незнакомой ей роскоши.

Она заказала обед в номер, потому что слишком боялась спускаться вниз, в ресторан. Не зная, какие блюда выбрать, она отчаянно уцепилась за яичницу с ветчиной, но официант убедил ее остановиться на омлете и слегка поджаренном бифштексе. Девушка была так напугана, что не спорила с ним, хотя цены, которые были указаны в меню, чуть не повергли ее в обморочное состояние.

Когда принесли обед, ей так захотелось сразу же все съесть, что она заставила себя посчитать до двадцати, шагая взад-вперед по комнате, и только потом села за стол. Она старалась есть не торопясь, выдерживая паузу между каждым глотком, но тем не менее в считанные мгновения от омлета ничего не осталось. Правда, потом она с ужасом поняла, что не в силах приступить к бифштексу. Ей казалось, что она подавится, если съест хоть кусочек, и, ничего не поделаешь, бифштекс унесли нетронутым.

«Надо сохранять благоразумие, – сказала себе Зария. – Я прекрасно знаю, что со мной. Я не настолько глупа, чтобы не понимать. Недоедание! Мне необходимо молоко и пища в небольшом количестве с непродолжительными перерывами. И я могу это себе позволить. Великий Боже, дай мне не забыть о том, что я действительно могу это себе позволить!»

И тут же она вспомнила, что может позволить себе и многое другое – костюм, как у Дорис Браун, даже лучше, туфли на высоком каблуке, шелковое белье. Но мысль эта вызвала у нее только отчаяние: все бесполезно. Она не знает, с чего начать, куда пойти, что покупать. Когда она в последний раз покупала платье? В Инвернесе? Во всяком случае, это было много лет назад. Большей частью она перевязывала для себя старые джемпера отца и пыталась шить. Один раз ей даже удалось сшить себе юбку из его старого твидового костюма.

Отец не позволял ей тратить на себя ни единого пенни. У него это превратилось в манию.

Однажды, год назад, она предприняла попытку убежать от него, чтобы найти работу и таким образом вырваться из этого ужасного темного дома среди лугов. Он догнал ее, когда она почти уже добралась до шоссе, и избил так, что она некоторое время была на волосок от смерти.

«Ты будешь жить здесь и работать, – кричал он. – Если ты думаешь, что я позволю тебе шататься по округе, то ты сильно ошибаешься. Я хочу, чтобы ты работала, и добьюсь этого. Немедленно приступай к этим рукописям».

Она никогда больше не осмеливалась повторять свою попытку, даже когда он уезжал из дома и оставлял ее одну с Сарой. Это была старая женщина, которая работала у ее родителей с тех пор, как они поженились. Она была очень стара, глуха и неразговорчива, ее мучил артрит, и она очень боялась, что профессор выгонит ее и ей некуда будет деваться.

«Работай. Ты же знаешь, он очень сердится, что рукопись еще не окончена», – обычно выговаривала она, когда Зария на мгновение поднимала гудящую голову и слезящиеся глаза от древних папирусов или надписей с тысячелетних камней, которые она пыталась расшифровать.

Временами голова у нее раскалывалась от боли, однако она продолжала работать. Она была слишком утомлена, чтобы протестовать, слишком слаба от недоедания, чтобы уклоняться от ударов отца.

«Что же мне делать?» – спрашивала себя сейчас Зария, и этот вопрос казался ей непосильно трудным.

Она чувствовала себя потерянной, беспомощной и испуганной. Лондон был таким большим, таким чужим ей городом. Если бы можно было позвонить мистеру Патерсону! Но во всяком случае, был добр и дружелюбен с ней.

Правда, сейчас он играет в гольф. Да и зачем его беспокоить? Разве ему есть дело до нее? Судя по блеску в его глазах, она показалась ему просто смешной.

Зария поднялась со стула, подошла к камину, возле которого стояло большое зеркало, и посмотрела на свое отражение. Прямые, неопрятные волосы, которые она сама стригла, отрагательные очки в металлической оправе, которые заставил ее носить отец, когда она пожаловалась, что с трудом разбирает стершиеся буквы рукописей. Зария поспешно сняла очки, но от них на лице остались четкие красные следы, а круги под глазами стали почти черными на фоне пепельно-серой кожи. Медленные, тяжелые слезы потекли у нее по щекам. Она много страдала в своей жизни, однако не помнила, когда плакала в последний раз.

«Я безобразна, – повторяла она себе, – безобразна, беспомощна и абсолютно одинока. Я не хочу жить!»

Она отпрянула от зеркала и бросилась на софу, зарывшись лицом в подушку. Она собиралась плакать, но мягкий шелк подушки повернул ее мысли к шелку, атласу и бархату – всем тем очаровательным вещам, к которым так любят прикасаться женщины.

Она снова подумала о Дорис Браун, о ее шелковых чулках и замшевых перчатках, которые она так боялась потерять.

«И у меня будет все это! Обязательно будет!» – сказала себе Зария.

Ведь она может пойти в магазин и купить все, что она только не пожелает. Можно заплатить чеком. Но ей сразу же стало страшно. Она не осмелится, ей не выдержать презрительного выражения на лицах продавщиц.

«Откуда она такая взялась?» – будут спрашивать они друг друга.

Зарии внезапно захотелось убежать назад, в Шотландию. К старой Саре, к дому с грязными стенами и уродливой викторианской мебелью, со спертым воздухом, из-за которого она никак не могла избавиться от мысли, что отец еще жив, что вот-вот войдет в дверь, заметит какие-то неполадки и обрушится на нее с проклятиями. По крайней мере, там все было знакомо, а жизнь здесь пугала ее.

Она застонала и села. Что-то упало на пол. Нагнувшись, девушка увидела, что это был паспорт Дорис Браун. При падении он раскрылся на том месте, где была фотография. Она была не очень четкой. Почти любая девушка могла назвать ее своей – глаза, нос, рот, волосы непонятного цвета, который в реальности мог быть любым, открывают уши, завиты и зачесаны назад по последней моде.

– И я могу так выглядеть, – прошептала Зария и поняла, что жребий брошен. Она должна занять место Дорис Браун по той простой причине, что слишком боится оставаться в этом незнакомом отеле и ждать, когда что-нибудь произойдет. Да и произойдет ли? Ей предстоит слоняться по улицам, кишачим занятыми, спешащими по своим делам людьми, живущими своей, незнакомой ей жизнью. Предстоит возвращаться сюда и сидеть в одиночестве. И так день за днем, ночь за ночью, изнывая от безделья, ожидая разве что поступления денег.

Можно сменить этот отель на другой, но и там она будет чувствовать себя такой же одинокой, такой же испуганной. Можно поехать в Нью-Йорк или на юг Франции, как предлагал ей мистер Патерсон, но и там она будет одна, совсем одна.

– Нет! Нет! – вскрикнула Зария и тут же вздрогнула от звука собственного голоса.

Такой жизни она не вынесет. Не вынесет одиночества, вынужденного безделья. Она не сможет существовать без ждущих своей очереди рукописей, без принуждающего ее к работе отца, без копошащейся на кухне Сары, готовящей неизменные овсянку и чай.

– Надо ехать! – Зария произнесла эти слова с решимостью, которой она в действительности не ощущала, позвонила в звонок. Услышав его звук, она, дрожа, присела на диван и напряженно застыла в ожидании.

Наконец в комнату вошла горничная – довольно симпатичная, бойкая молодая женщина. Зарии показалось, что она была несколько недовольна тем, что ее вызвали в такое время.

– Вы звонили, мадам?

– Да, пожалуйста, вы не могли бы помочь мне?

– Разумеется, мадам. Что я могу сделать для вас?

– Дело в том... что... – запинаясь, произнесла Зария, – мне надо уехать... за границу сегодня вечером. А я приехала из Шотландии и... не взяла с собой никакой одежды. Мне нужен костюм, блузка, несколько пар чулок и туфли. Я... мне нельзя ехать в таком виде. И, пожалуйста, мои волосы... Надо, чтобы их уложили.

Горничная окинула ее презрительным взглядом:

– Мадам, наверное, не сознает, что сегодня суббота.

– Да, да, я знаю, что все магазины закрыты. Но, возможно, можно купить эти вещи у кого-нибудь из ваших знакомых? Может быть, у вас есть костюм, который вы могли бы продать мне?

Горничная посмотрела на нее так, будто перед ней была сумасшедшая.

– Ну пожалуйста, – умоляла ее Зария, – я вас очень прошу. Мне это так важно.

Это была мольба о помощи в решении той единственной проблемы, которая объединяет всех женщин на свете независимо от их социального положения, веры, цвета кожи и национальности – проблемы одежды.

– Ну хорошо, мадам, я попробую что-нибудь придумать, – с сомнением в голосе ответила горничная.

Глава 2

Зария стояла у окна отеля «Британия» и смотрела вниз на залитую солнцем улицу и поток проносившихся по ней машин. Отсюда Марсель выглядел муравейником, и это только усиливало в ней чувство отчужденности и одиночества.

Всю ночь она пролежала без сна в комфортабельном мягком вагоне. Она снова и снова думала, что сошла с ума, что надо вернуться в Лондон, позвонить мистеру Патерсону и сообщить ему о своем намерении, однако так и не пришла к окончательному решению. Попав в Марсель и узнав, что отель находится рядом со станцией, Зария подхватила чемодан и пошла туда.

Оказалось, что комната для нее забронирована, как и следовало из письма мистера Патерсона. Вышколенный слуга с вежливой предупредительностью провел ее в номер, дверь за ним закрылась, и Зария снова осталась одна.

Она повернулась от окна и увидела свое отражение сразу же в нескольких зеркалах, украсивших комнату. Ей трудно было поверить, что это она и есть. Костюм, который нашла для нее горничная, разумеется, не был сшит у известного портного, но он, безусловно, больше подходил ей, чем ужасный старый пиджак из твида и юбка, которую она носила годами. Зария выбросила все это в корзину для мусора. В первый раз в жизни она поступила настолько экстравагантно, выбрасывая то, что еще можно было использовать.

Очень трудно было подобрать для нее одежду: так она была худа, но горничные – к тому времени их собралось уже четверо – вошли в положение и буквально перерыли свои гардеробы.

– От вас остались только кожа да кости! – в отчаянии воскликнула Элси, когда очередной костюм оказался безнадежно велик.

К этому времени они стали уже почти друзьями, и, отбросив бывшие формальности, горничные перестали звать ее «мадам» и относиться к ней, как к почетной гостье. Она превратилась для них в обычную девушку, и почему-то в первый раз за долгие годы у нее стало тепло на душе.

– Вы такая худенькая, наверное, сильно болели, – заметила одна из девушек. – Сейчас-то вы выздоровели?

– Да, сейчас все в порядке, спасибо, – ответила Зария, не вдаваясь в объяснения того, что не болезнь, а годы недоедания сделали ее такой.

Все это время перед ее глазами стоял образ Дорис Браун с точеной грудью, с порывистостью и живостью уверенной в себе, благополучной женщины.

«Я тоже должна так выглядеть! Просто должна!» – повторяла себе Зария.

Но, даже побывав в опытных руках горничных, она не стала выглядеть так же.

Костюм, который ей подобрали, был темно-серым. Блузка из белого крепдешина была похожа на ту, которую носила Дорис, но Зария была слишком худа, и она болталась на ней как на вешалке.

– Вам обязательно надо поправиться, – сказала Элси.

Остальные с завистью вздохнули.

– Хотела бы я, чтобы и мне сказали такое, – заметила Хельга, пышнотелая девушка, уроженка Германии.

– Если ты перестанешь трескать пирожные с кремом и шоколад, то наверняка похудеешь, – одернула ее Элси.

Все рассмеялись.

– Мне кажется, костюм очень хорош, – робко сказала Зария, рассматривая себя в зеркало. – Сколько я вам должна?

Вместе с чулками, туфлями, бельем и шляпкой вышло восемнадцать фунтов. С величайшим трудом Зария взяла себя в руки, чтобы пальцы у нее не дрожали, когда она отсчитывала деньги. Ей казалось, что нельзя тратить такую огромную сумму на одежду. Она боялась, что сейчас услышит окрик отца, увидит его глаза – темные, сверкающие от ярости, как это всегда бывало, когда он выходил из себя.

Долгое время ей казалось, что он принимает странный наркотический порошок, который вывез с Востока. А может быть, что-то содержалось в его сигаретах – они так странно пахли.

– А теперь ваши волосы, – сказала Элси. – Вы не можете ехать в таком виде.

– Не могу, вы правы, – согласилась Зария. – Мне хочется, чтобы их уложили и завили на концах.

И снова она подумала о Дорис Браун с ее очаровательной модной прической.

– Все парикмахерские закрыты... – начала Элси и вдруг вскрикнула: – Вспомнила! У нас же есть Генри!

– Генри! – откликнулись девушки. – При чем тут Генри?

– Разве вы не знаете, что до прихода сюда он работал парикмахером? Он мне об этом рассказывал. У него появилось нечто вроде аллергии на духи, как он говорит, и он сделался официантом.

– И теперь вместо духов вдыхает запахи пищи, – заметила одна из девушек, и все они рассмеялись.

– Пойду позову его, – сказала Элси. – Он должен уже закончить уборку в столовой.

– У тебя будут неприятности, если тебя засекут на первом этаже, – предупредили ее.

– Ничего, не засекут, – весело ответила Элси.

Она вышла из комнаты и удивительно скоро вернулась вместе с Генри, который оказался худым молодым французом. Девушки хором объяснили ему, что от него требуется.

Он окинул Зарию оценивающим взглядом и разослал горничных с поручениями: одну – за яйцами, чтобы сделать ополаскиватель для волос, другую – за шампунем, третью – за полотенцем. Элси, которая теперь опекала Зарию, словно готовя ее к роли кинозвезды, вспомнила, что у одной женщины, остановившейся в отеле, есть фен.

– Ее светлость уехала на выходные, – сказала она. – Она даже не узнает, что мы им пользовались.

К этому времени Зария уже перестала удивляться чему бы то ни было. Только когда Генри вымыл, высушил и уложил ей волосы, она осознала, насколько изменилась ее внешность. Прическа была не совсем такой, как у Дорис Браун, но безобразные прямые пряди исчезли. Волосы мягкими волнами спадали ей на щеки.

– Мадам довольна? – с удовлетворением спросил Генри. Зария не знала, как благодарить его, сколько заплатить. В конце концов, сильно смущаясь, она вытащила из сумочки несколько фунтов и сунула ему в руку. Только потом она поняла, что дала ему три фунта, и подумала, что сошла с ума. «Целых три фунта!» – шептала она про себя в поезде. Они с Сарой могли существовать на такую сумму в течение нескольких недель. Им часто приходилось так жить, когда отец был в отъезде или становился особенно прижимист в отношении денег, отпускаемых на хозяйство.

И, однако, то, что сумел сделать Генри, стоило этого. Он помог ей убежать от самой себя. Да, пересекая канал, садясь в шумный французский экспресс, отправлявшийся из Кале, летя в нем сквозь ночь, она бежала от себя, от своего прошлого. Она оставляла позади свою боль и отчаяние, голод и жестокость, на которые так долго была обречена.

Она знала, что только страстное желание избавиться от воспоминаний и страха толкнуло ее на этот невероятный шаг. Не смелость стояла за ее поступком, в глубине его лежал страх, страх перед людьми, перед Лондоном, перед будущим, перед всем тем, что было ей незнакомо.

«Тебя зовут Дорис Браун», – убеждала она себя, глядя на отражение в зеркале, и тут же рассмеялась: как бы оскорбилась настоящая Дорис Браун, услышь она сейчас ее слова.

От смеха по обеим сторонам ее рта появились морщинки. Не важно! Главное то, что даже губы у нее теперь стали другими.

– Я поняла, что тут не так, – внезапно произнесла Элси, когда они изучали ее новую прическу, серый костюм и белую блузку.

– Что же? – спросила Зария.

– Ваше лицо, – ответила Элси. Горничные смутились, будто она сказала вслух то, о чем они все думали, но не хотели упоминать из вежливости. Элси покраснела и поспешно добавила:

– Я не хотела обидеть вас. Я только имела в виду, что вы совсем не накрашены. В наше время никто не ходит с не накрашенными губами. Из-за этого у вас несколько... странный вид.

– Ты права! – воскликнула одна из девушек. – Помада – это то, что вам нужно! У меня я где-то была совсем новая, нужного вам оттенка. Я купила ее только вчера за семь шиллингов и шесть пенсов. Если хотите, я вам ее принесу. И пудра у меня есть, – добавила она, – только, пожалуй, она для вас темновата.

– Да уж, – насмешливо подтвердила Элси. – Вот у Лидии должна быть пудра нужного цвета. Из нас только к ней одной не пристаёт загар.

И Зария рассчиталась за пудру, крем, который Элси наказала ей втирать в кожу каждое утро и на ночь, и за новую помаду.

Кроме того, она выбросила свои очки. Она прекрасно видела и без них, а если ей трудно будет разбирать рукописи, которые даст ей мистер Вирдон, она всегда сможет купить себе приличные очки в черепаховой оправе. Почему-то она чувствовала, что эти старые уродливые очки будут всегда напоминать ей отца с его издевками. «Устала! Что значит устала? Ты должна перевести это к завтрашнему дню. За что только Господь дал мне такую слабоумную дочь? Все предельно просто. Нужно только немного сосредоточиться».

«Но я устала, отец. Я всю неделю засиживалась по ночам. У меня очень болит голова».

«У тебя всегда что-нибудь болит! Только и знаешь, что хныкать! Принимайся за работу. Ты довольно лентяйничала, пока я был в отъезде». Бесполезно было объяснять, что, уезжая на три месяца, он оставил ей столько работы, сколько могло хватить на все шесть. Всегда у него находился какой-нибудь трактат, новая книга или каталог, которые надо было перевести.

Однажды, набравшись смелости, она предложила нанять кого-нибудь себе в помощь, но он так ударил ее по уху, что она полетела через всю комнату. «Ах ты ленивая дрянь! – разбушевался он. – Ей нужна помощь, скажите пожалуйста! А зачем ты еще нужна, кроме как выполнять то, что я тебе говорю? Закончишь эту рукопись к концу недели, не то я все кости тебе перелому».

Это была не пустая угроза. Он был свирепым человеком и никогда не стеснял себя в действиях. Не один раз возникали неприятности из-за его жестокого обращения с туземцами, которые помогали ему при раскопках. Один раз ему даже пришлось уведомление от местного комиссара.

«Слизняки! – как-то разразился он напыщенной тирадой. – Мякотелые слизняки! Неудивительно, что черные возомнили о себе! Скоро они станут господами. Мы сами на это нарываемся. К черным надо относиться как к собакам, тогда они будут повиноваться».

Подчас Зария сомневалась, а выдержала бы собака то обращение, которое она терпела от отца. Но выхода у нее не было.

Даже когда отец умер, она не могла уехать из Шотландии. У нее не было денег. Ей казалось, что весь мир ограничился этим пустым, уединенным домом. А важнее всего было то, что она утратила волю. Она стала слишком боязлива, чтобы бежать. Но сейчас все изменилось. Теперь она стала и свободной, по крайней мере, на некоторое время. Она в Марселе, и нет никого, кто бы мог запретить ей делать все, что ей вздумается. Во внезапном порыве протест-

ста она достала из сумочки губную помаду и ярко покрасила губы. Пусть красный цвет будет символом непокорности, воли, энергии, жизнерадостности, которые до сих пор она никогда не могла позволить себе. И вдруг дверь в ее номер распахнулась. Никто не стучал, поэтому она изумленно обернулась. С ощущением вины она вспомнила, что оставила ключ в замке. В комнату очень быстро и почти бесшумно вошел мужчина. Не успела Зария осознать, что Я происходит, как он закрыл за собой дверь и привалился к ней спиной.

– Что вы хотите? – Зария так растерялась, что произнесла эти слова по-английски.

– Вы – мисс Дорис Браун? – спросил он ее на том же языке.

– Да... я, – поколебавшись, ответила Зария.

– Это замечательно! Я так и понял, что не мог ошибиться комнатой.

Он чуть задышался, словно от спешки. Теперь Зария разглядела, что в руке с перекинутым через иге плащом он держал чемодан. Волосы у него были почти черные, выделявшиеся даже на фоне загорелого лица, и он носил темные очки. По-английски он говорил с каким-то странным акцентом.

Зария поднялась с кресла.

– Я... я вас не понимаю. Что вам нужно? Почему вы вошли без стука?

– У меня для этого не было времени.

И снова ей показалось, что он чуть задышится, как будто он бежал по коридору или вверх по лестнице. Но почему? Она беспомощно смотрела на него, не зная, как поступить.

– Пожалуйста, не пугайтесь, – более спокойным голосом, будто почувствовав ее растерянность, сказал он. – Я узнал, что вы здесь остановились. Мне надо с вами поговорить.

– Узнали! Но от кого? – недоуменно спросила Зария.

– Это не важно, – ответил он. – Главное, что мне нужна ваша помощь.

Теперь Зария поняла, что у него за акцент. Он американец. Он слегка, но тем не менее заметно, растягивал гласные. Это был крупный, широкоплечий мужчина. Быстрота и ловкость его движений говорили о том, что он занимался спортом.

– Можно мне сесть?

– Да, пожалуйста... хотя... я не знаю. Зачем вам понадобилось... врываться в мою комнату таким образом?

– Пожалуйста, мисс Браун, успокойтесь. Я все объясню, только выслушайте меня. Хорошо?

– Хорошо... говорите, – замялась Зария.

– Спасибо.

Он говорил спокойно, но после этого быстро повернулся к двери, открыл ее и, выглянув в коридор, закрыл снова.

– Я хотел убедиться, что нас никто не подслушивает, – пояснил он.

– Кому может понадобиться нас подслушивать? И зачем? – спросила Зария. – Я только что приехала.

– Да, я знаю, – сказал он. – Я видел, как вы вошли в отель, хотя и не знал тогда, что это именно вы. Почему-то я представлял мисс Браун несколько по-другому.

Зария почувствовала себя виноватой и промолчала.

Он пересек комнату и сел в кресло рядом с окном. При этом он поморщился, словно от боли, и тут Зария заметила пластырь на его ухе и странный обесцвеченный синяк на левом виске. Он почувствовал ее взгляд и поднес руку ко лбу, будто пытаясь загородить синяк.

– Я попал в автомобильную катастрофу, – неловко объяснил он, – и меня немного задело.

– Понимаю. – Зария опустила на стул перед туалетным столиком, развернувшись так, чтобы видеть незнакомца.

– Вы не возражаете, если я закурю? – спросил он.

– Нет, пожалуйста.

– Вы абсолютно уверены? Я сам не люблю сигаретного дыма в спальне, но, кажется, вы не останетесь здесь на ночь. Яхта уже в гавани.

– О! Мне еще ничего не сообщали.

– Она только что прибыла. Вас скоро известят, и вы подниметесь на борт.

– Откуда вы знаете? – поинтересовалась Зария.

– Мне сказал об этом один ваш друг, – ответил американец. – Он просил меня разыскать вас.

Зарии понадобилось время, чтобы уяснить для себя его слова, потом она спросила, полагая, что он ждет от нее этого вопроса:

– И как... его зовут?

– Скорее всего, вы его не вспомните, – ответил американец. – Вы когда-то встречались с ним в Лондоне, а теперь он узнал от друзей, что вы собираетесь принять участие в этом путешествии. Он рассказал мне об этом, и вот почему я решился обратиться к вам за помощью.

– Что я могу для вас сделать? – спросила Зария.

– Возьмите меня с собой, – последовал ответ.

Ей показалось, что она неправильно расслышала и с минуту молча рассматривала его: незнакомый ей человек в темных очках, которые придавали его лицу отчужденный вид, делая его почти нереальным.

– Я... я вас не понимаю, – наконец выговорила она.

– Послушайте, мисс Браун, – он наклонился вперед и сжал руки, – мне очень важно, чрезвычайно важно попасть в Алжир. Моя мать больна. Я должен попасть к ней.

– Но есть же пассажирские пароходы!

– На них у меня нет денег.

– О!

Зария легко могла принять подобное объяснение, но человек перед ней казался вполне преуспевающим. Его костюм был хорошо сшит, закуривая, он достал из кармана портсигар, хотя, возможно, он стоил всего несколько шиллингов – она плохо разбиралась в подобных вещах.

– Я вам сочувствую, – мягко произнесла она. – Мне нетрудно представить себе, что значит быть бедным. Но не понимаю, чем я могу помочь вам.

– Вы можете мне помочь, вы не должны мне отказывать, – ответил он. – В этом путешествии вы – самое важное лицо. Так сказал мне мой друг. Мистер Вирдон настаивал на том, чтобы ему нашли секретаря со знанием археологии и арабского языка. Я ведь не ошибаюсь?

– Нет, вы правы.

– Ну вот видите. Вам стоит только сказать, что вы хотите взять с собой своего помощника, потому что не сможете в одиночку справиться с обработкой результатов экспедиции.

– А что скажет мистер Вирдон? Он же мне не поверит.

– Поверит, я в этом уверен. Он должен поверить. Только постарайтесь говорить как можно более убедительно.

– Но почему я должна это делать? – растерянно спросила Зария.

– Потому что я умоляю вас об этом, – ответил американец. – Мне надо попасть в Алжир. Я должен быть рядом с матерью. Она больна. Мой отчим – негодяй. Он плохо с ней обращается. Говорю вам, я должен попасть туда, пока еще не поздно.

Он говорил так убедительно, что у Зарии едва не навернулись на глаза слезы. Ее первым побуждением было немедленно согласиться. Этот человек попал в беду и вызывает к ней о помощи. Трудно усомниться в его искренности. Однако, все еще пытаясь руководствоваться житейскими правилами, она произнесла:

– Послушайте! Я никогда не встречалась с мистером Вирдоном. Он нанял меня через поверенных в Лондоне. А вдруг он не позволит мне взять с собой помощника? Вдруг он рассердится на меня за такое предложение?

– Я не думаю, – твердо ответил американец. – Сделайте точно так, как я вам скажу, и я вам гарантирую, что все будет в порядке.

– Но... но почему... почему я должна вас слушаться? – запротестовала Зария.

– Потому что, как я знаю, у вас доброе сердце, потому что все это гораздо важнее для меня, чем я могу выразить словами, потому что, совершая этот великодушный поступок, вы ничем не рискуете.

Последнее, по крайней мере, было правдой.

Она действительно ничем не рисковала. В самом худшем случае ей придется признаться, что она – хозяйка яхты. Она знала, что у нее никогда не хватит смелости на такое признание, но ее успокаивала сама возможность сделать его.

– Я кое-что придумал, если только вы согласитесь последовать моему плану, – будто почувствовав ее колебания, сказал американец. – Как только вы получите уведомление капитана о том, что яхта находится в гавани, мы вместе поедем в порт. На борту вы представите меня в качестве своего жениха.

– Жениха! – повторила Зария, изумленно раскрыв глаза.

– Да, так будет лучше всего. Тогда ваше намерение взять меня с собой будет выглядеть более правдоподобным. Я – не только ваш помощник в трудной работе, но еще и жених. К любви всегда относятся с пониманием, и я считаю что особых сложностей не возникнет. Вы, конечно, объясните мистеру Вирдону, что мы только недавно обручились, и вы не хотите расставаться со мной, уезжая в Африку.

В его устах все выглядит достаточно правдоподобно, подумала Зария. В конце концов, так и поступила настоящая Дорис Браун – обручилась, только она в связи с этим вообще отказалась от поездки.

– Я... не знаю, что и сказать, – беспомощно произнесла Зария.

– Тогда будьте умницей и соглашайтесь, – настойчиво проговорил американец.

– Но... я даже вашего имени не знаю.

– Нет, разумеется. Вы будете называть меня... Чак. Так звали меня мои друзья в колледже. Фамилия моя Танер. Итак, Чак Танер. Между прочим, я немного умею говорить по-арабски и немного разбираюсь в археологии.

– Ну что ж, это уже кое-что, – ответила Зария. Но она все-таки колебалась и, покраснев и крайне смущаясь, попросила:

– Не могли бы вы... если вас не затруднит, вы не могли бы снять очки?

Он молча сделал то, что она попросила, потом, пристально глядя на нее глубокими серыми глазами, спросил:

– И зачем?

– Я... мне просто захотелось знать, как вы выглядите на самом деле, – ответила Зария, смущенно умалчивая о том, что считает справедливым выражение: «Глаза – зеркало души».

У него были честные глаза – спокойные и почему-то, хотя она и не смогла бы объяснить почему, внушающие доверие.

– Спасибо, – спустя мгновение произнесла она и смущенно отвела взгляд.

Он снова надел очки.

– Мне приходится постоянно носить темные очки, иначе меня мучают сильные головные боли. Кроме того, у меня сенная лихорадка.

Тут, так внезапно, что они оба вздрогнули, зазвонил телефон.

– Наверное, это с яхты, – быстро сказал Чак Танер. – Ничего не говорите им обо мне. Просто скажите, что немедленно выезжаете.

Зария, колеблясь, пошла к телефону. Но не успела она поднять трубку, как он очутился рядом с ней и предупреждающе схватил ее за руку.

– Подождите! Если это кто-то другой, все равно кто, не говорите, что я у вас. Вы меня поняли?

– Но... почему? – недоуменно спросила Зария.

– Делайте так, как я говорю, – приказал он.

Он отнял руку, и Зария взяла трубку.

– Я слушаю.

– Мадемуазель Браун? – спросил голос в трубке.

– Да.

– Пожалуйста, подождите минуточку.

После непродолжительного треска и шума из трубки спросили по-английски, с ярко выраженными просторечными интонациями:

– Я говорю с мисс Браун?

– Да, мисс Браун у телефона.

– Доброе утро, мисс. Капитан просил передать вам свое приветствие. «Колдунья» в гавани. Вы готовы подняться на борт?

– Передайте капитану, что я выезжаю немедленно, – ответила Зария.

– Прекрасно, мисс. Третий причал, место под номером сорок семь.

– Спасибо.

На том конце провода раздался щелчок, и Зария повесила трубку. Только сейчас она осознала, что Чак Танер стоит так близко к ней, что должен был слышать весь разговор. Он улыбнулся, заметив беспокойство на ее лице.

– Все в порядке? – успокаивающим тоном спросил он.

– А кто, вы предполагали, это мог быть, если не матрос с яхты? – спросила Зария.

– Да мало ли кто, – уклончиво ответил он. – В мире полно разных неприятных типов, особенно когда в дело замешан миллионер.

– Бог мой! Я совсем не подумала об этом. – Зария резко опустилась на тахту. – Вы случайно не вымогатель? Может быть, вы хотите попасть на яхту, чтобы ограбить мистера Вирдона?

– Обещаю, что ни в коем случае не буду этого делать, – засмеялся Чак Танер. – Кроме того, я не охотник за теми сокровищами, которые вы собираетесь откопать с мистером Вирдоном. Нет, как я уже говорил вам, мне просто надо попасть в Алжир, а другого способа у меня нет.

– Предположим... это просто предположение... что я могла бы одолжить вам немного денег?

Она заметила, что ее слова застали его врасплох, но он быстро нашелся:

– Начнем с того, что у вас вряд ли найдется достаточно денег. Кроме того, я, конечно, не лишен недостатков, но я не привык брать деньги у женщин.

– Все равно... мне не очень нравится ваша идея, – произнесла Зария. – Предположим, капитан будет против и не допустит вашего присутствия на борту?

– Этого не случится, – уверенно возразил Чак Танер. – Он скажет, что надо подождать прибытия мистера Вирдона. Вот с ним-то вам и понадобится все ваше умение убеждать. Я полагаюсь на вас, мисс Браун. Я вам верю. Я обещаю, что это не каприз, не прихоть, дело идет о жизни и смерти.

Что-то в его тоне заставило Зарию вздрогнуть.

– А сейчас я прошу вас сделать следующее, – продолжал он. – Спуститесь и заплатите по счету. Потом попросите швейцара вызвать такси. Шоферу вы скажете ехать в порт. Но как только вы убедитесь, что никто вас не слышит, постучите ему в окно и попросите остановиться

возле аптеки на Ру-Гарибальди. Вы запомните? Аптека на Ру-Гарибальди. Там я буду ждать вас.

– Значит... значит, вы не пойдете со мной вниз? – спросила Зария.

Он покачал головой:

– Нет, я пройду через заднюю дверь. Так будет безопаснее. Не хочу, чтобы меня кто-нибудь видел.

– Я... я вас не понимаю. Вы... скрываетесь от полиции? Вы... совершили что-то плохое?

– За свою жизнь я совершил не один плохой поступок, – с улыбкой ответил он, – но ничего, что могло бы заинтересовать французскую полицию. Пожалуйста, верьте мне. Я знаю, мой рассказ звучит немного невероятно. Он кажется вам выдержкой из «Сатидей Ивнинг пост» или детективного романа, но на самом деле все гораздо проще. Мне надо попасть в Алжир, и никто меня в этом не остановит. Родственники моего отчима, если быть точным, его сыновья, не хотят, чтобы я увиделся с матерью. Они боятся, что она оставит наследство мне. Вот и все.

– Понимаю, – со вздохом облегчения произнесла Зария. – Я сделаю так, как вы просите.

Она не знала почему, но несмотря на фантастическую историю и странную манеру поведения американца, несмотря на способ, которым он проник в ее комнату, в глубине души она была рада, что он поедет вместе с ней. Ей будет не так страшно столкнуться с таким количеством незнакомых ей людей – мистером Вирдоном, капитаном, другими участниками путешествия.

– А теперь нам пора, – между тем говорил американец. – Не забудьте, меня зовут Чак. Вы влюблены в меня, а я в вас. Я буду звать вас Дорис.

– Нет, нет, пожалуйста, – непроизвольно воскликнула Зария и, заметив его удивление, поспешно добавила: – Это мое... официальное имя. Друзья зовут меня Зарией. Я... забываю... откликаться на Дорис.

– Зария! – мягко проговорил он. – Какое красивое имя и, между прочим, арабское.

– Да, его выбрала для меня мама, потому что оно показалось ей очень красивым.

– И она права. Зария! Я не забуду его. А Дорис Браун мы оставим для официальных случаев, – сказал Чак Танер.

Зария поступила непроизвольно и сейчас уже сожалела о сказанном. А вдруг ее второе имя должно было быть указано в паспорте? Не лучше ли было позволить ему называть себя Дорис?

С другой стороны, она всегда могла уйти от ответа на этот вопрос, всегда могла сказать, что забыла. Он так мало значил по сравнению со всем остальным. Нет, если уж они решили притворяться близкими людьми, лучше будет, если он будет обращаться к ней по тому имени, к которому она привыкла.

Она взяла чемодан.

– И это все ваши вещи? – спросил Чак Танер. – Определенно, вы путешествуете налегке.

– А вы?

– У меня есть второй чемодан. Я оставил его в аптеке.

– Я... я что-нибудь куплю себе, когда мы приедем в Алжир, – поспешно сказала Зария. – У меня совсем не было времени на сборы. Поверенные предложили мне эту работу всего пару дней назад. Они долго не могли найти подходящего человека.

– Да, я понимаю. Что ж, до встречи и благодарю вас.

Чак Танер протянул ей руку. Зария почувствовала теплоту и силу его пожатия. Она вдруг ощутила себя странно защищенной. Но он уже взялся за ручку двери.

– Выгляните, нет ли кого в коридоре, – попросил он.

Зария молча повиновалась. В мягко освещенном, застеленном коврами коридоре было пусто. Чак низко надвинул шляпу на лоб.

– Увидимся через несколько минут, – произнес он чуть слышно и зашел прочь, бесшумно ступая по мягкому ковру.

Зария подождала, пока он не скроется из виду, и пошла к лифту. Спустившись на первый этаж, она заплатила по счету и пошла к центральному входу.

В большом открытом холле былолюдно: погруженные в чтение газет мужчины, занятые сплетнями женщины, семьи с детьми. Зария с интересом рассматривала лица. Вдруг среди них находятся люди, которых так боится Чак Танер? Ее воображение рисовало себе хищных пасынков, которые пытаются отобрать законное наследство у настоящего сына. «Я просто обязана помочь ему», – сказала она себе и, усаживаясь в такси, попросила швейцара распорядиться, чтобы такси ехало в порт.

Чак ждал ее у дверей внутри аптеки. Как только такси остановилось, он поспешно выскочил из дверей, бросил маленький чемодан в салон и втиснул чемодан побольше на сиденье рядом с шофером.

– Все в порядке? – спросил он, усаживаясь рядом с Зарией.

– Да, разумеется, – ответила она. – А разве вы ждали каких-нибудь осложнений?

– Сам не знаю, – сказал он. – Может быть, у меня просто расшатаны нервы, но осторожность не помешает. Итак, вы уверены, что правильно все запомнили? Кстати, весь путь из Лондона мы проделали вместе. У меня на чемоданах стоят лондонские штемпеля.

– Вы так тщательно все продумали, – заметила она. – Но неужели вы считаете, что кому-нибудь может прийти в голову проверить нас?

– Трудно сказать, – туманно ответил он. – Когда лжешь, главное – хорошо подготовиться, учесть все до мельчайших подробностей. Что с вами? – спросил он, увидев, как Зария отвернулась от него.

– Я не люблю лгать, – ответила она. – Да и не умею. Ваши слова меня пугают.

– Все будет хорошо, обещаю вам, – успокаивающим тоном произнес он. – Вам только не надо придумывать ничего на ходу. Не отступайте от версии, которую я вам изложил. Мы собираемся пожениться, и в связи с этим, а также потому, что вам нужен помощник в работе, вы никак не можете ехать без меня.

При этих словах он поднял руку и поглубже надвинул шляпу на левый висок.

– Вы пытались сделать с ним что-нибудь? – спросила Зария, кивнув на синяк.

– Да, аптекарь сказал, что это средство делает чудеса. Ну что ж, посмотрим.

– Вы превысили скорость?

– Превысил скорость? – переспросил он.

– Ну, когда попали в аварию.

– Ах да, разумеется. Боюсь, что так и было. Я очень нетерпелив. Не могу ездить медленно.

Оставшуюся дорогу они сидели молча. Их – провезли через портовые ворота к сорок седьмой стоянке, и Зария увидела «Колдунью».

До сего времени она как-то не думала о том, какой окажется яхта, ее яхта. Она не ожидала, что она будет такой белой, грациозной, роскошной, сверкающей начищенной медью, с красным навесом от солнца, с низкими удобными креслами, обитыми пурпурной тканью.

Ей хотелось закричать: «Она принадлежит мне! Мне».

Вместо этого Зария молча ждала, пока Чак расплатится с водителем. Повернувшись, она увидела, как по трапу к ним спешат два матроса – помочь поднять багаж на борт. «Колдунья» оказалась значительно больше, чем предполагала Зария. Капитан, солидный бородатый мужчина средних лет в кителе с золотыми пуговицами, вышел им навстречу.

– Приветствую вас, мисс Браун, – улыбнулся он. – Надеюсь, мы не заставили вас долго ждать. Я опасался, что из-за небольшого ремонта мы не попадем сюда раньше завтрашнего утра. Но, как видите, все обошлось.

– Здравствуйте, – нервно проговорила Зария. – Позвольте представить вам мистера Танера. Он – мой... жених.

– Жених! Это неожиданность для меня. Я не знал, что вы приедете не одна.

– Надеюсь... мистер Вирдон не будет возражать, – чуть задышавшись от волнения, произнесла Зария. – Видите ли, поверенные очень настаивали на моем участии, а я не могла ехать без мистера Танера... мы только что обручились... и они предложили, чтобы я взяла его в качестве своего... помощника. Он – хороший специалист.

– Что ж, мне кажется, все будет в порядке, – ответил капитан. – Места у нас достаточно.

Он повернулся к одному из матросов:

– Отнесите вещи этого джентльмена в каюту.

– Будет сделано, сэр.

– А теперь, мисс Браун, позвольте, я покажу вам ваши апартаменты, – продолжал капитан. – Может быть, вы с мистером Танером хотите чаю? Стюард приготовил вам настоящий английский чай.

– Спасибо, мы не откажемся, – поблагодарила Зария.

Капитан взглянул на часы.

– Мистер Вирдон должен прибыть около шести, – сказал он. – Как вы, должно быть, знаете, вчера ночью он приплыл на «Шербуре» в Гавр, а оттуда поедет поездом. К шести они должны быть здесь.

– Тогда я смогу... поговорить с ним, – сказала Зария, взглянув на Чака.

– Хорошо, – согласился капитан. – А пока чувствуйте себя как дома.

Он проводил Зарию в ее каюту, которая показалась ей верхом роскоши. Кювета Чака находилась дальше по коридору.

– А сейчас я вам покажу каюту, которую мистер Вирдон просил выделить в качестве рабочего кабинета, – сказал капитан. Он провел их по коридору в большую, удобно обставленную каюту с письменным столом, пишущей машинкой, обширной картотекой, фотооборудованием и машинами для очистки глины. – Мы забрали все это в Канне, – объяснил капитан. – Мистер Вирдон оставил там на хранение все оборудование, которое осталось после прошлогодней экспедиции.

– Все это выглядит очень по-деловому, – заметила Зария, почувствовав, что должна что-нибудь сказать в ответ.

– К сожалению, я еще не имел удовольствия познакомиться с мистером Вирдоном, – улыбнулся капитан, – но, судя по его письмам и инструкциям, он действительно очень деловой человек, хотя и интересуется прошлым.

– Да... похоже... – пробормотала Зария. Они вернулись в ее каюту. Объяснив, как найти столовую, капитан оставил ее. Зария закрыла за ним дверь и поднесла руки к лицу. Поверит ли по-настоящему деловой человек ее фантастической выдумке о женихе, с которым она не может расстаться? Больше того, не заподозрит ли он по ее словам или поступкам, что она – не та, за кого себя выдает?

Некоторое время она неподвижно стояла, мучимая сомнением. Внезапно в дверь постучали. Не успела она ответить, как появился Чак. Он улыбался, и, несмотря на скрывавшие его лицо И темные очки, Зария различила веселый блеск его глаз.

– Пока все идет прекрасно, – прошептал он. Путешествие начинается! Вы взволнованы или просто испуганы?

– Я боюсь! Ужасно боюсь!

– Но почему? – спросил он. – Я же здесь, и о вас позабочусь.

Глава 3

Зария стояла на палубе и наблюдала за тем, как яхта выходит из гавани. Было раннее утро. Над горизонтом еще висел туман, и море было окутано дымкой. Трудно было поверить, что пройдет немного времени, и оно станет пронзительно голубым, как убор Божьей Матери.

Все вокруг казалось волшебным, будто мир утратил реальность. У Зарии было такое чувство, словно и она сама лишь плод чьего-то воображения.

«Все это происходит со мной», – без конца повторяла она себе, пытаясь поверить в то, что эта яхта – ее собственность.

«Я никогда не расстанусь с ней», – прошептала она и тут же вздрогнула при мысли о том, что когда-нибудь ей придется признаться, кто она такая. Разве сможет она отдавать распоряжение этому важному капитану?

Она вспомнила, как трудно ей было сделать выбор среди многочисленных блюд, которые предложили ей на ужин. А сколько еще проблем предстоит ей решить сегодня! Беспокойные морщины появились у нее на лице.

Мистер Вирдон не приехал к шести, как они ожидали. Пришла телеграмма, что он задержался в Париже и появится на яхте только ночью.

– Наверное, нам нельзя ложиться до его приезда, – предположила Зария, когда стюард показал им телеграмму.

– Не вижу для этого никаких оснований, – ответил Чак. – Утром у нас будет достаточно времени, чтобы сообщить обо всем мистеру Вирдону.

Зария покачала головой.

– Я бы предпочла поскорее покончить с этим. Я ужасно боюсь встречи с ним.

– Почему? – спросил Чак и, не дождавшись ее ответа, добавил: – Ну и странная же вы девушка! Кажется, вы боитесь всего на свете. Что вас так пугает? Кроме меня, разумеется.

Зария отвела глаза и оглядела большую, уютную каюту, которая почему-то не вязалась с ее представлениями о рабочем кабинете. На мгновение у нее мелькнула сумасшедшая мысль: рассказать ему всю правду, открыть, кто она такая, объяснить, почему она приехала сюда под именем Дорис Браун. Но она вспомнила, что ничего не знает о Чаке, они познакомились всего несколько часов назад. Пытаясь придать своему голосу решительность, она произнесла:

– Кажется, уместнее будет, если вы расскажете мне что-нибудь о себе.

– Ну разумеется, – обезоруживающе согласился он. – Что вы хотите знать? Мне двадцать восемь лет, я – американец. Моя мать, француженка по происхождению, вышла второй раз замуж за француза. Я хорошо знаю Европу. Курю, пью, люблю детей. Это вы хотели услышать?

– По-видимому, – с сомнением протянула Зария. У нее было такое ощущение, что, несмотря на непринужденность поведения, он что-то скрывает. Насколько он был непохож на нее! Она была такой скованной, так нервничала, когда кто-нибудь заговаривал с ней.

– А теперь продолжим нашу беседу о вас, – сказал он. – Вы перенесли тяжелую болезнь?

Зария хотела было ответить отрицательно, но тут же вспомнила, как ужасно выглядит, как выпирают у нее скулы, как заметны черные круги под глазами. Ему никогда не понять правды, поэтому ей придется соврать, хотя бы из гордости.

– Да, я болела, – тихо согласилась она.

– Так я и подумал, – продолжал он. – Но сейчас вы чудесно отдохнете, во всяком случае, на протяжении пути до Алжира. В качестве платы за мой проезд я буду выполнять всю вашу работу, а вы будете лежать и отдыхать.

– Это было бы хорошо, – со слабой улыбкой возразила Зария, – но я сомневаюсь, что вы сможете сделать все, что потребует от меня мистер Вирдон. Эта работа требует определенной квалификации, особенно в части перевода древних рукописей.

– Тогда я даже не буду пытаться этого делать, – ответил Чак. – Но я могу печатать одним пальцем на машинке под вашу диктовку. Обещаю вам, только одним, но у меня это получается довольно быстро.

– А чем вы зарабатываете себе на жизнь? – спросила Зария. Он поколебался, прежде чем ответить, и она поняла, что не услышит от него правды.

– В свое время я занимался всем понемногу, – уклончиво произнес он. – Служил в армии, был пилотом на самолете, если надо, могу неплохо паять.

«Другими словами, вы не намерены рассказывать мне об этом», – сказала про себя Зария, но она была слишком робкой, чтобы произнести эти слова вслух. Разговор иссяк. Зария подумала, какая она неловкая и неуклюжая. И все потому, что она так долго жила вдали от людей и от мира. Многие месяцы она видела только пастухов и охотников, проходивших мимо их дома, а разговаривала только с продавцами, когда ходила за покупками в деревню, со старой Сарой, которую в глубине души начинала ненавидеть, и с отцом, если он бывал дома. Вот и весь круг ее друзей и знакомых.

Тем не менее она еще помнила те дни, когда была жива мать и их дом в Эдинбурге был полон интересными и занимательными людьми. Она появлялась перед гостями в вечернем платье, ее знакомили с лордом таким-то и сэром таким-то, с известными профессорами и знаменитыми проводниками. Повсюду звучал смех и остроумные замечания. Ее мать, казалось, обладала умением вдохновлять людей, выявлять их таланты.

Потом она умерла. Зария до сих пор помнит те бессонные ночи, которые она проводила в слезах, громко жалуясь в темноте: «Где же ты, мама? Вернись, ты так нужна мне».

После смерти матери они с отцом уехали из Эдинбурга. Сначала они путешествовали по загранице, а вернувшись в Англию, снимали квартиру в Лондоне. Потом отец решил поселиться в Шотландии.

Это строение посреди вересковых лугов задумывалось как охотничий домик. При жизни мать не раз говорила, как там скучно. Скучно! Сейчас Зария задрожала при воспоминании о долгих зимах, на протяжении которых они с Сарой были отрезаны от всего мира. Одиночество, пустота и боль снова холодом проникли ей в сердце.

– Как красиво, вы не находите? – раздался голос у нее за спиной, и, вздрогнув от неожиданности, она обернулась. Это был Чак.

– Вы рано встали, – заметил он.

– Я подумала, а вдруг мистер Вирдон захочет поговорить со мной, – объяснила Зария.

– По-моему, вряд ли, – сказал Чак. – Стюард сказал, что они просили подать им завтрак в каюты.

– Как, все, кто с ним приехал? – удивилась Зария.

Чак усмехнулся:

– Вы, по-видимому, не понимаете причуд богатых праздных людей.

– Мистер Вирдон – не праздный человек... – начала Зария, но слова тут же замерли у нее на губах. Она вспомнила, какими странными показались ей приехавшие ночью люди. Возможно, ей просто показалось, что они чувствуют себя как-то неловко: она сама была так растеряна и испугана. Но у нее сложилось впечатление, что, по крайней мере, двое из трех приехавших мужчин плохо держались на ногах.

Они появились только к полуночи. Они вышли из подъехавшей к яхте машины и молча начали подниматься по сходням. «Словно провинившиеся мальчишки, которые боятся, чем-то их встретят», – подумала Зария, но сразу же поняла, каким нелепым было ее предположение.

Мистер Вирдон был одет в традиционный костюм яхтсмена: белые брюки, пиджак с золотыми пуговицами и шапочка с белым верхом. Он пожал руку капитану и представил ему своих друзей:

– Мистер Эди Морган, мистер Виктор Джакобетти, – и, наконец, последней, потому что она задержалась, выходя из машины, – мисс Кейт Гановер.

– Эй, мальчики, – раздался визгливый голос, – подождите меня. Что за спешка?

И, помахивая норковым золотистым манто, позвякивая браслетами и блестя глазами, Кейт Гановер поспешила за ними вслед. Ее рассыпанные по плечам волосы отливали серебром, ярко покрашенные ногти были в дюйм длиной. От нее исходил почти удушающий запах дорогой парфюмерии.

Зария в полном изумлении наблюдала за ней. Никогда прежде не встречала она никого, кто бы походил на мисс Гановер. Даже в самом нелепом сне ей не могло привидеться, чтобы такая девушка участвовала в археологической экспедиции. Но капитан уже знакомил ее с вновь прибывшими.

– Мистер Вирдон, позвольте представить вам мисс Браун. Ей надо поговорить с вами по поводу еще одного нашего гостя, мистера Танера.

– Мистера Танера? – переспросил мистер Вирдон, небрежно пожимая Зарии руку.

– Что такое? – вмешался низенький мужчина среднего возраста, которого называли Эди Морганом. – Мы не рассчитывали, что вы будете принимать на яхте гостей.

– Подожди, Эди, – перебил его мистер Вирдон. – Дай мисс Браун объяснить нам.

Краснея и дрожа от смущения, потому что все взгляды обратились на нее, Зария промямлила:

– Я... мне казалось... вы не будете возражать. Дело в том, что... мистер Танер не мог...

– Боюсь, моя невеста слишком стесняется, – пришел ей на помощь Чак. – Надеюсь, мистер Вирдон, вы извините меня за подобное вторжение, но нам не хотелось подводить вас в последний момент. Мы ведь знали, как вы настаивали на том, чтобы у вас на яхте был секретарь.

Все дело в том, что мы, я и мисс Браун, обручились и не захотели расставаться. Мы обговорили эту ситуацию между собой и решили, что будет лучше, если я поеду вместе с ней. Я готов помогать ей в работе, так как говорю по-арабски и немного разбираюсь в археологии. – Это все для меня полная неожиданность! – сказал мистер Вирдон и посмотрел на Эди

Моргана, как бы ища поддержки. – Разумеется, если мисс Браун хочет отказаться от этого путешествия... – начал мистер Морган.

– У меня есть для вас письмо, сэр. Оно от поверенных, – вмешался капитан. – В письме ко мне мистер Патерсон жаловался на то, как трудно было выполнить ваше распоряжение по поводу секретаря. По-видимому, именно поэтому мисс Браун и ее жених переживали, что подведут вас в последнюю минуту.

– Да, да, разумеется, я все понимаю, – поспешно сказал мистер Вирдон. – Очень любезный жест с вашей стороны. Разумеется, мы будем счастливы, если мистер... э-э... Танер поедет вместе с нами.

– Если верить его словам, он сможет оказаться полезным нам, – поддержал его мистер Джакобетти.

Это был молодой человек с отсутствующим лицом, на котором странно выделялись острые, пронизательные маленькие глазки. «Поросычьи», – подумала Зария, когда он уставился на нее с таким выражением, что она сразу поняла, какой непривлекательной особой он ее считает.

– Замечательно! Тогда все улажено, – произнес Эди Морган таким тоном, будто здесь он принимает решения. – А теперь, что вы скажете насчет спиртного?

– Я рассчитывал, что вам захочется подкрепиться, сэр, сказал капитан, – и стюард накрыл для вас стол в кают-компании.

– После такого ужасного переезда мне не помешает выпить чего-нибудь крепкого, – произнесла Кейт Гановер своим визгливым голосом.

В знак согласия мужчины последовали за ней и капитаном вниз по трапу в кают-компанию. Зария и Чак остались на палубе одни. Они в удивлении смотрели друг на друга.

– Какие странные люди, – тихо заметил Чак.

– Я по-другому представляла себе мистера Вирдона, – откликнулась Зария.

– И как же именно? – поинтересовался Чак.

– Очень умным, с бородой, может быть. Не таким модно одетым. Все археологи, с которыми я до сих пор сталкивалась, выглядели так, будто спали не раздеваясь.

– Он, очевидно, исключение, – сказал Чак. – А как вам понравилась дама?

Зария не сразу поняла его.

– А! Мисс ГанOVER? Не представляю, какую роль будет играть она при раскопках! – наконец воскликнула она.

– Я бы на вашем месте об этом не беспокоился, – ответил Чак. – Если она доберется дальше главной улицы Алжира, я станцую вам танец живота.

Зария не могла удержаться от смеха. Впервые за многие годы ей стало весело, и она почувствовала себя с Чаком более непринужденно. Как хорошо, что он был рядом, что ей не придется одной общаться с этими странными людьми.

– Пойдемте спать, – сказал Чак. – Вы выглядите очень измученной. Можете быть совершенно уверены, сегодня мы им больше не понадобится.

Она послушалась, потому что чувствовала себя смертельно усталой. Всю предыдущую ночь она не могла уснуть от волнения.

Зария не рассчитывала, что ей удастся как следует выспаться, но едва ее голова коснулась подушки, как она погрузилась в глубокий сон, который не в состоянии были нарушить ни гудки кораблей, ни лязг подъемных кранов, ни скрип причалов. Она проснулась только от звука завоющего двигателя, поспешно встала и оделась.

Сейчас, глядя на Чака, она поняла, что и он хорошо выспался. Его лицо уже не казалось таким напряженным, как накануне, а глаза за стеклами темных очков весело блестели. Он уже не был затравленным, настороженно озирающимся по сторонам человеком, каким явился к ней в номер.

Наверное, он чувствовал себя так легко и непринужденно потому, что судно уже отплыло из гавани, и никакие сводные братья не могли помешать ему попасть в Алжир.

– Как ваш синяк? – спросила она.

– Он еще виден? – поинтересовался он.

– Нет, его почти не заметно.

– Он уже не болит, – сказал он. – Мне хочется забыть о случившемся. Не рассказывайте ни о чем этим людям. Они наверняка сделают неверные выводы.

– Вы боитесь, они подумают, что вы были пьяны, когда вели машину? – спросила Зария.

– Не удивлюсь, – ответил он. – Это первое, что им придет в голову, ведь они сами очень много пьют.

– Откуда вы знаете?

– Я только повторяю то, что слышал. Стюард сказал, что они легли только в два. Все это время они пили в кают-компании.

– Непохоже, что у нас будет много работы! – воскликнула Зария.

– Пойдемте завтракать, – предложил Чак. – Потом мы можем отправиться в наш рабочий кабинет и там ждать распоряжений. Завтрак был не менее восхитительным, чем ужин накануне. Но Зария снова лишь слегка притронулась к пище, хотя Чак настаивал на том, чтобы она попробовала яичницу с ветчиной, сосиски, мед, землянику и один из огромных персиков, выращенных в теплице, которые лежали в вазе рядом с громадными гроздьями винограда.

– Я не хочу ничего больше, – протестовала Зария. – Я привыкла есть мало.

– Ну, это чувствуется, – ответил он. – Вы выглядите как одна из тех дурочек, которые садятся на диету и в один прекрасный момент обнаруживают, что желудок у них прилип к спине.

– Это вышло не по моей воле, – ответила Зария с внезапной горечью.

Чак внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Почему даже в помещении он не снимал очков? Она чувствовала себя неловко от того, что не может различить выражение его глаз.

Хотя, разумеется, у американцев темные очки вошли в привычку. Мистер Вирдон, когда приехал накануне ночью, тоже был в темных очках, и у Кейт Гановер тоже были огромные очки с острыми углами, которые она постоянно вертела в руках при разговоре.

«Может быть, в очках и я буду выглядеть лучше, – подумала про себя Зария. – По крайней мере, они скроют круги под глазами».

Покончив с завтраком, они прошли в рабочий кабинет. Заняться было нечем, и Чак начал рассматривать книги на полках.

– Человека, который купил все это, не назовешь педантом, – заметил он. – Здесь представлены все последние романы, все в последнее время выходившие биографии известных людей и, разумеется, неизбежные для англичанина – Дебре и «Кто есть кто».

У Зарии чуть не вырвалось: «Моя тетя была очень светской женщиной», но она вовремя одернула себя.

– Наверное, их выбирала предыдущая хозяйка «Колдуны», – только и сказала она. – Сейчас она умерла, и яхта перешла к кому-то из ее родственников.

– Неплохое наследство! – воскликнул Чак. – Интересно, что он или она собой представляют?

Зария улыбнулась про себя. Интересно, что он сказал бы, если бы узнал правду.

– Чак! – вдруг позвала она. – А у вас действительно нет денег? В таком случае, что вы будете делать, когда попадете в Алжир?

– Я справлюсь, главное – попасть, – небрежно ответил он.

– А вдруг ваша мать настолько больна, что не сможет ничем помочь вам? – Тогда я найду работу, – ответил он. – Кстати, я уже думал о том, будет ли мистер Вирдон платить мне такую же сумму, как и вам, или он предполагает, что мы поделим на двоих ваше жалованье.

– Я как-то не задумывалась об этом, – призналась Зария. – Разумеется, вы всегда можете получить половину моего.

– Не говорите глупостей! Я просто пошутил, – улыбнулся он. – Вы слишком серьезны, Зария. В этом ваша беда. Неужели вы никогда не смеетесь, как другие девушки? С тех пор, как мы познакомились, вы улыбнулись каких-нибудь пару раз, да и то не очень-то весело.

– Кажется, я отвыкла улыбаться, – призналась Зария.

– Почему? Расскажите мне! Зария покачала головой.

– Я хочу забыть об этом, – ответила она. – Кроме того, может быть, нам не стоит откровенничать друг с другом. Мы с вами – лишь корабли в океане, только встретились и сразу же разойдемся в стороны.

Он накрыл ее руку своей.

– Что ж, вы очень симпатичный добрый маленький кораблик, спасательный шлюп, я бы сказал.

Тут дверь в каюту открылась, и в комнату вошел Эди Морган. Его вид произвел на Зарию отталкивающее впечатление. На нем был пурпурный парчовый халат, из-под которого выглядывали оранжевые пижамные штаны. Побриться он еще не успел, и его подбородок был сизосиним. Глаза у него припухли, и все лицо казалось помятым. Вообще, он выглядел старше и неприятнее, чем накануне ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.